

К. БАЛЬМОНТ И М. БАБАЯН

Как известно, в 10-ые годы нашего столетия видный русский поэт Константин Бальмонт (1867—1942) поддерживал тесные связи с представителями армянской литературы, принимал непосредственное участие в подготовке брюсовского сборника «Поэзия Армении», был одним из ее переводчиков. В 1920 г. К. Бальмонт вместе с семьей уехал в Париж в командировку и остался там. Он жил в основном в деревушке Капбретон. В одной из статей, посвященных жизни и деятельности Бальмонта во Франции, читаем: «О жизни Бальмонта во Франции, в сущности, известно немного, и это немного приходится собирать по крупицам»*. Будучи в эмиграции, русский поэт продолжал поддерживать дружеские контакты с армянской интеллигенцией. Известно, что по приглашению армянского писателя, литературного критика и общественного деятеля Аршака Чопаняна (1872—1952) он участвовал на вечере, посвященном великому армянскому поэту Ов. Туманяну, и своим выступлением воздал дань уважения памяти поэта.

Бальмонт и его жена были близки с известной армянской пианисткой, певицей, музыковедом, педагогом Маргаритой Бабаян (1874—1968). Их пленил неповторимый голос певицы, ее интерпретация произведений армянских, русских и европейских композиторов, а также народных песен. Об этом имеются интересные документы в Музее литературы и искусства им Е. Чаренца. Ниже публикуем эти материалы.

А. А. ЗАКАРЯН

Capbreton, Sandes. Malgre'tout

26 сент<ября>, 1930

Дорогая и чтимая

Маргарита Аветовна,

У меня к Вам большая просьба. Ваш дивный концерт, этот праздник песни и души, не уходит из моей памяти¹. Анна Николаевна расскажет Вам о нашем восхищении. Мы напрасно, однако, искали отзывов о Вас в байонских газетах. Так пусть русские газеты услышат о Вас четкое слово. Лишь помогите мне в этом. А именно, прошу, пошлите мне: 1) программу вашего выступления, 2) текст армянских песен русскими буквами и русский перевод их, 3) текст пропетых русских песен и песен басков.

Буду ждать с нетерпением. Спасибо за ласку.

Преданный вам К. Бальмонт

МЛИ, ф. М. Бабаян, № 70.

* Ю. Коваленко, К. Бальмонт: Светишь мне, Россия, только ты... (Известия, 25. VIII. 1987).

¹ Речь идет о концерте М. Бабаян, состоявшемся 16 сентября 1930 г. в испанском городе Байон.

Капбретон, 17 апреля, 1931

Дорогая
Маргарита Аветовна,

Я все жду, когда наконец «Последние новости» напечатают мой очерк о Вас², но они медлят, а на письма мои не отвечают. С ними это бывает, и, живя здесь, я с ними ничего поделать не могу. Конечно, этот очерк с удовольствием напечатали бы в «России и Славянстве», но, надеюсь, что «Последние новости» до нашего вечера³ его напечатают.

Было бы очаровательно, если б этот очерк был переведен на испанский язык и на французский. Но кто бы взял на себя этот труд? Бессилен я здесь и в этом.

Надеюсь благополучно прибыть в Париж 27-го вечером, с заездом на сутки в Бордо.

Да ворожат Вам звезды. Меня они, кажется, забыли.

Ваш

К. Бальмонт

МЛИ, ф. М. Бабаян, № 70

Кап<бретон>, 24 апреля, 1931

Дорогая
Маргарита Аветовна,

Наш художественный путь, как и Вы хорошо знаете, не только среди роз и тюльпанов,—крапивы и релейников много больше.

Посылаю Вам письмо, только что мною полученное из «Последних новостей» от какого-то администратора⁴, которому, явно, приличней было бы быть администратором свиного завода. И это, без объяснения причин—и продержат рукопись зря—с 12-го марта! Хорошенькие нравы!

² Под заглавием «День золотой рыбки (Маргарита Аветовна Бабаян)» Бальмонтом был подготовлен очерк для газеты «Последние новости».

Один экземпляр очерка К. Бальмонт отправил М. Бабаян со следующей надписью: «Вот, дорогая, наконец сердце оттаяло. Послал это в «Посл. Нов.»—Приветы» (МЛИ, ф. М. Бабаян, № 70).

³ Вечер состоялся 30 апреля 1931 г. в «Мажестике». О вечере см.: МЛИ, ф. М. Бабаян, № 284а; Последние новости, 26.IV.1931.

⁴ Вот что написано в письме от 23 апреля 1931 г.:

Многоуважаемый Константин Димитриевич,

По поручению редакции возвращаем Вам статью «День золотой рыбки», которая не может быть напечатана.

Примите уверение в совершенном уважении.

Администратор

подпись» (МЛИ ф.

М. Бабаян, № 70).

Посылаю рукопись в «Россию и славянство»⁵, но до вечера⁶ она не сможет появиться в печати.

Непостижимо и грустно.

До скорой встречи, дорогой друг, и до радости Вас видеть и слушать Вас.

Ваш

К. Бальмонт

М.ЛН, ф. М. Бабаян, № 70.

4

<Каибретон>, 13 февраля, 1931 Malgre'tout

Многоуважаемая и дорогая

Маргарита Аветовна

Константин Дм<итриевич> очень сожалеет, что не может сейчас написать Вам сам, так как совершенно заморожен спешным окончанием ряда рукописей, среди которых и очерк о Вас и Вашем концерте в Байоне⁷, который мне к сожалению не довелось услышать.

Я же пишу Вам по некоторому делу. Задумали мы устроить в Париже «Славянский вечер»⁸ песни, музыки, стиха, если возможно и пляски, дабы представит каждый из славянских народов—Россия, Польша, Чехия, Югославия, Болгария в одном или двух из названных искусств. Устроение берет на себя наш друг болгарский писатель, и бывший дипломат и очаровательный человек Коста Георгиев или по-русски Константин Георгиевич Георгиев, который и сам примет участие в вечере. Константин Дм<итриевич> скажет краткое слово о славянстве и прочтет, в своих переводах, образцы народного творчества, а также из современных поэтов всех славянских стран. Кроме того прочтет свои стихи России.

К<онстантин> Д<митриевичу> и мне, и Коста Георгиеву, очень бы хотелось, чтобы Вы согласились тоже принять участие в этом вечере. Будем надеяться, что Вы не откажете озарить своим голосом волшебным этот малый славянский праздник.

Для более подробной беседы об этом Коста Георгиев хотел бы свидеться с Вами лично, о чем должен лично написать Вам на днях.

Между прочим, я его обнадежила, что кроме своего благого согласия на участие в вечере, Вы, как коренная парижанка, сможете ему дать некоторые благие советы и в смысле устроения. Он впервые берется за такое дело.

⁵ Очерк был опубликован в газете «Россия и Славянство» 2 мая 1931 г.

⁶ Речь идет о «Славянском вечере», организованном К. Бальмонтом. См. сноску № 3.

⁷ См. сноску № 1.

⁸ См. сноску № 3.

Константин Дмитриевич напишет Вам, как только немножко освободится от срочных работ. Он все время работает до изнеможения, и несмотря на деревенскую нашу жизнь—времени не хватает.

Надеюсь, вы здоровы, благополучны и, как всегда, в неугасимом творческом горении песней.

Хотим верить, что не в отдаленности уже, свидимся, и услышим Вас не только на «Славянском вечере», но и у Вас, с песнями Армении и Басков и Перу.

С приветами сердца и пожеланиями всего светлого

Ваша Ел. Бальмонт.

P. S. В Carbrelin всю зиму грозы—и сегодня. зацветают мимозы, но все же холодно.

МЛИ, ф. М. Бабаян, № 69

5

<Капбретон>, 18 марта. 1931 Malgre'tout

Дорогая Маргарита Аветовна,

Вы, верно, несколько удивились, получив мой пакет с нотами. Дело в том, что Константин Георг<иевич> спрашивал, не знаем ли мы каких-ниб<удь> романсов славянских композитор<ов> на слова Б<альмонта>. Я ему ответила, что знаем лишь чешские, которые нам очень понравились, когда мы их слышали в Праге, и что пошлю их Вам на суд. Вам и послала.

Ваш выбор очень люб и поэту и мне. Но только уж очень мало вы хотите побаловать нас. У Черепнина очень много и прекрасных вещей на слова Бальмонта. Будьте немножко щедрее. Да?

И потом, жаль, что вы отвергли «Незабудку» и «Голубочка» Стравинского. Они чудесны. Исполнялись много раз и всегда с огромным успехом и у русских и у французов.

Еще у Стравинского есть «Шелковинка», которую я люблю больше всех остальных.

А Вы—нет?

Поэту очень хочется, чтобы Вы исполнили также, хотя бы на бис, армянские песни, что Вы исполняли в Байоне, котор<ые> поэт перевел. Хочется, чтобы Вы спели их конечно по-армянски, а он прочел бы свой перепев.

Он благодарит Вас за строчки и счастлив, что Вам понравилась «Золотая рыбка». Она пленительна, правда, также, как и внушившая ее. Кстати, у Бальмонта есть стих «Золотая рыбка»—певучий вальс—и к ней есть музыка—только не помню сейчас—чья, чуть ли тоже не Черепнина.

Спасибо за билет на концерт, пронзивший горечью души наши, ибо снова не услышим. Но пошлём кому-нибудь достойному

Шлем Вам наши светлые приветы и пожелания.

Ваша Ел. Бальмонт.

МЛИ, ф. М. Бабаян, № 69.

ДЕНЬ ЗОЛОТОЙ РЫБКИ

(Маргарита Аветовна Бабаян)*

Когда Белый Зодчий, одетый в звездную одежду, все устроил в этом мире, как всему в мире полагается, он привел океанские воды в тихое спокойствие, повелел всем рыбам всплыть поближе к водной поверхности и сказал им: «Стойте так смирно в воде, а когда из-за края воды всплывет златокрасный край солнца, я ударю в золотой бубен, а вы все тогда всплывете поверх воды, и каждой я дам ее особое имя и закреплю за ней ее лик и длину, и нрав и окраску».

Было это как раз перед исходом Солнца из ночных пещер. И вот выдвинулся чуть-чуть златокрасный край ночного Солнца, пожелавшего стать утренним и дневным. Все рыбы смирно стояли на указанном месте и кит, распинаящийся в полокеана длиной своей, еще не закрепившейся, и щука, у которой намечалось тысяча зубов, но они таяли, и сомы, и налимы, и лини, и белорыбица. Ни одна не искусилась появившимся вдруг златокрасным отсветом, смирно стояли и ждали звона золотого бубна. Лишь одна малая рыбка занетерпелась, всплыла и скакнула над поверхностью воды,—так ей понравилось Солнце. Усмехнулся Зодчий Мира на нее. Понравилось ему, что она такая нетерпеливая. И ей, принявшей первый луч Солнца, он дал живучесть, длящуюся века, и золотую чешую, и назвал ее—золотая рыбка.

Золотою рыбкой можно назвать каждое светлое наше воспоминание. Возникло не просто оно, а от нетерпеливой, трепетной нашей радости, и все переливается золотыми отсветами, светлое веселье от него в душе, и живет оно не угашаемое временем, долго.

В начинающейся весне, под кристальную малую песенку черно-головки, славьте, вечно славящей жизнь, и виолончельное пение дрозда, я уношусь светлым воспоминанием в золотой день 16 сентября прошлого года в малую столицу басков, Байон, в очаровательный Баскский Музей, воссоздающий художественно всю жизнь басков,—я слышу удивительное сопрано Маргариты Аветовны Бабаян, поющей русские песни, армянские песни, и французские песенки, и песни басков. Я беру ноябрьский № французского журнала «Музыкальное обозрение» и читаю очерк Маргариты Бабаян: «Неделя Баскского Конгресса Народных искусств в Вергаре, от 31 августа до 8 сентября 1930 года». Именно проездом с этого конгресса, где М. Бабаян была единственной из иностранцев приглашенной, она пела в Байоне в завершительном концерте. М. Бабаян пишет: «Баск поет с утра до вечера и с вечера до утра. Если он не поет, если он не играет на одном из первобытных своих инструментов,—дистула, флейта с тремя отверстиями,—барабан,—ттунь-ттунь, маленькая первобытная лютня,—альбока, бычий рог, с несколькими отверстиями,—тобера, железная полоса, по которой двое мужчин ударяют палочками различной толщины,—тогда он танцует, но как!... Это видение незабвенно! Баски прирожденные музыканты. Музыка и танцы, бешеный ритм всего этого народа, в котором сливаются в танце все классы общества, ибо слово басков гласит, что все баски благородны...». Уточнению благородна и народная

* Между очерком, хранящимся в МЛИ (ф. М. Бабаян, № 70) и вариантом, опубликованным в газете «Россия и Славянство», имеются редакционно-стилистические расхождения. Публикуемый очерк взят из указанной газеты от 2 мая 1931 г.

песня басков. Не узнаешь имя поэта, не узнаешь в песне, что пропел
ее истинный поэт. Вот наудачу одна песня:

ПОДРУГА

Подруга у меня любимая одна.
Не высока она, и не мала она.
В ее глазах—любовь, ее зрачки—полет,
Мне в сердце как вошла, уж больше не уйдет.
И даже, если я скажу тебе: «Прощай»,
Ты, милая моя, меня не осуждай.
Любовь забрось в себя, как ветки брось к костру,
С тобой я разлучусь лишь в час, когда умру.

Вот другая песня.

В КЛЕТКЕ

Крылатая в клетке,
Поет, но печально,
Весь день напролет,
У птицы есть зерна,
Но сердце упорно.
Упорно поет,
Что высшее счастье,
Откинувшись с ветки,
На воле, полет.

И еще детская.

ПЯТЬ ПАЛЬЦЕВ

Этот первый
Самый толстый,
Меж другими
Самый толстый.
А второй
Встает змеей.
Меж другими
Этот третий
Встал змеей.
Этот третий
Самый длинный.
Меж другими
Самый длинный.
А четвертый,
Он ленивый,
Меж другими
Он ленивый.
Этот пятый,
Он малыш,
Меж другими
Он малыш.

И еще совсем другой полюс.

ГОВОРЯЩЕЕ ПОЛЕ

Мы недаром здесь возникли
Нас Земля, нас учит Мать.

В мае, мал ли ты, велик ли,
Нужно колос подымать.

Из музейных комнат, в которых воссоздана утварью и художественными произведениями вся давнишняя история обрядности жизни басков, таинственно напоминающая,—целым рядом художественных подробностей Солнечного поколения,—литовские кресты и барельефы забытых храмов Мексики Майи, в солнечное послеполуденное, мы вошли в концертный зал, где вся публика не такая, как в столице, и не такая, как наши дни. Непосредственность чувства, юг, Баоки, старинные наряды, старинная учтивость,—мы вошли в какой-го минувший век, через целых, пожалуй, два столетия, в прошедшее. За роялью монах, препоясанный вервием, пожалуй слишком уж новенькое это вервие, ну, однако же, это не фрачный человек. Достопочтенный отец Доностия, страстный изучатель прошлого своей страны, страстный музыкант, безукоризненный аккомпаниатор нашей прославленной певицы, ученицы Полины Виардо—Гарсиа, Арто де Падилья и Жак Перье, солистки концертов Колонна-Ламур, М. А. Бабаян. На певице роскошная восточная ткань, на ней золотые башмачки, как в сказке, ее легкое изящное платье просвечивает золотыми отсветами. Ее строгое, суровое лицо, вдруг озаряющееся детской, доброй улыбкой и снова мгновенно становящееся скорбным и суровым, уводит мечту в далекие-далекие дали. В наши степи, в Черноморский край, на Кавказ, в Тифлис, в Эрзерум, в Карс, где когда-то родился ее дед, горячий Хаджи Ага Бабаян. Дальше когда-то, гораздо дальше. Печать востока уводит мечту в Ассирию, в более ранний сумерныйский Вавилон.

Маргарита Бабаян поет французскую песенку 15-го века, поет альзасскую песню, поет испанские песни. Сердцем овладевает грусть и терпение. Она же армянка, она же русская. Зачем она не поет нам наши песни? Но вот сердце дрогнуло. Звуки Римского-Корсакова. Слова певучего Мея, переложение отрывка из «Песни Песней». Как четко падают эти слова! Точно после промчавшегося майского дождя звонкие капли с цветущих веток черемухи падают на некоторое ответное металлическое дно.

Сплю, но сердце мое чуткое не спит,
За дверями голос милого звучит:—
Отвори, невеста, отвори.
Догорело пламя алое зарн,
Над лугами, над шелковыми
Бродит белая роса...

И чу, за этой полногласной речью, гортанные звуки, полные восточной красоты, суровые звуки армянской песни.

Арев черевров елаф,
Им чинари яре.
Мир бале крвов елав
Дардиман яре.

Солнце взошло среди туч,
Мой милый как явор высок,
Союз наш среди споров возник,
Мой милый, любимый, мне мил,
Пусть сына теряет наш враг,

Мой милый, как явор высок,
Недоброе сердце—из мглы,
Мой милый достоин хвалы.

Песня как звук охотничьего рога в горах. И другая армянская песня, как клекот горного орла, как свист горного ветра, как всплеск по камням ручья, сорвавшегося с высокого утеса.

Я зажглась—я горю как свеча,
Мне с отцом не встречаться, душа горяча.
Я оставила мать я и брата.
Я с желанным моим,
Женою я стала того, кто любим.
Того, от кого никуда нет возврата.

Перед пением каждой чужеземной песни встает один из устройств концерта и читает французский перевод ее. Но никто его не слушает. Певица поет, и все ее слушают. По изумительно-гибким интонациям, по воздушно-струнным переливам чудесного сопрано все понимают поющий голос, возникает тайновидение чувства, и, по окончании каждой песни, слушатели дружно рукоплещут, повторно устраивают Маргарите Бабаян овацию, все слиты в чаре песни.

И вот, золотая рыбка, снова всплеснулась в моей душе. Играет золотая чешуя. Горит в моей прислушавшейся памяти яркий наряд, сотканный солнцем, и, наполняя сердце сладостной тоской, желанный голос уводит в родные просторы. Слушая пенье весенних вернувшихся птиц, зазвеневшее сердце поет певице

Певице пленительной Маргарите Бабаян

Когда мечтой я обуян,
Когда в душе тоски избыток,
Когда я хмельный пью напиток,
Я с вами грезюю сляян.
В вас золотой я вижу слиток,
Вас искурюю как кальян,
О, Маргарита Бабаян!
Вы песня древняя армян,
Вы песня звонкая России,
И там, где волны бьют морские,
Где воздух розами был прян,
Сквозь песни басков сны другие
Вы развернули в караван.
О, Маргарита Бабаян!
Средь галлов, правнуку древлян,
Как солнце, будущее рано,
Мне ваше светлое сопрано
Пропело: «Ключ нагорный рьян!
Все ваше пенье златотканно...
Колосья выйдут из семян,
О, Маргарита Бабаян!*

К. Бальмонт

Капбретон, 1931, 10 марта

* В хранящемся в МЛИ (ф. М. Бабаян, № 239) стихотворении указана дата: «Капбретон, 1931. 19 февраля. Ночь».